

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ПЛАНИРОВОЧНАЯ
СТРУКТУРА И ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЙ ОНЕЖСКОГО
ПОМОРЬЯ (НА ПРИМЕРЕ с. ВОРЗОГОРЫ
ОНЕЖСКОГО р-на АРХАНГЕЛЬСКОЙ обл.)**

Ключевые слова: Онежское Поморье, Арктика, поморы, традиционная культура, деревянная архитектура, сельские исторические поселения, пространственно-планировочная структура, жилище, хозяйственные постройки, историко-культурная среда

В статье представлен архитектурно-этнографический анализ поморского поселения побережья Белого моря (с. Ворзогоры Онежского р-на Архангельской обл.): истории поселения, типа расселения и застройки, жилищно-хозяйственного комплекса. В ходе исследования были выполнены архитектурные обмеры деревянных жилых, хозяйственных и инженерных построек, проведены этнографические интервью, проверены и подтверждены архивные данные из Государственного архива Архангельской области, фондов Архангельского краеведческого музея. Было выявлено, что планировочная структура с. Ворзогоры сохранила “гнездовой” тип расселения, “концевой” и “рядовой” типы застройки, жилую архитектуру XIX – начала XX в., которая характеризуется комплексом дома-двора со способом соединения жилой и хозяйственной части “брус” на высоком подклете, типом избы “четырёхстенок” с 3–6 окнами на главном фасаде. Выявленная историко-культурная ценность данного поселения позволяет рекомендовать его для постановки в качестве объекта культурного наследия “достопримечательное место” регионального или муниципального уровня охраны.

Русский Север и арктические территории России неизменно вызывают интерес отечественных и зарубежных исследователей в связи с тем, что процессы трансформации и распада традиционной культуры данного региона происходили значительно медленнее, чем в центральных местностях страны. Не в последнюю очередь это связано с удаленностью и труднодоступностью северных территорий.

В данной работе “сельские исторические поселения” Русского Севера и Арктики определяются как поселения, сохранившие традиционную пространственно-планировочную структуру: тип расселения (“гнездовой”, “разбросанный”, “скупенный”), застройку (“рядовая”, “концевая”, “смешанная”, “уличная” и др.), деревянную культурную, жилую, хозяйственно-промысловую и инженерную архитектуру конца XVII – начала XX в. Сельские исторические поселения являются “наиболее

Татьяна Валентиновна Жигальцова | <https://orcid.org/0000-0002-5471-1540> | zhitava@gmail.com | к. филос. н., старший научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик | Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН (наб. Северной Двины 23, Архангельск, 163000, Россия)

Алексей Александрович Усов | <https://orcid.org/0000-0002-0466-0124> | usov@fciactic.ru | младший научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик | Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН (наб. Северной Двины 23, Архангельск, 163000, Россия)

чистыми эталонами народного понимания функциональной, пространственной и эстетической организации жилой среды” (Ушаков 1982: 14). Такие сельские исторические поселения Архангельской области, как Кимжа, Веркола, Турчасово и другие во многом сохранили традиционную пространственно-планировочную структуру, характерную для XIX в.

Постановка проблемы. В настоящее время в этнографической литературе устоялись определенные представления о пространственно-планировочной структуре (тип расселения, застройка) сельских исторических поселений Русского Севера и Арктики. Для большинства районов Русского Севера, в т.ч. и для территории Онежского Поморья, самой распространенной принято считать “рядовую” застройку у воды. Выделяются три вида “рядовой” застройки в зависимости от расположения фасада изб: к воде, от воды и на “красную сторону”, т.е. к солнцу (Бломквист 1956: 34).

Важным элементом пространственно-планировочной структуры сельских исторических поселений является их расположение и группировка на местности по отношению друг к другу. На территории Русского Севера преобладающим был “гнездовой” тип расселения. Этнографическая трактовка понятия “гнездо” появилась благодаря работе К.К. Романова, в которой автор характеризует самую древнюю форму поселения на р. Пинеге следующим образом: «Такой район то состоит из нескольких групп, объединяющих несколько деревень, или “околов” вместе, то состоит всего из одной группы (Нюхча). Группы, объединяющие собой околы, иногда стоят очень близко одна от другой, но все же имеют свое собирательное название» (Романов 1928: 9). Ссылаясь на данное описание д. Нюхчи Пинежского р-на, В.М. Витов вводит понятие “гнездовой тип расселения”. По мнению автора, указанный тип являлся определенным этапом в истории заселения всей восточноевропейской равнины и стал преобладающим на Русском Севере благодаря тому, что гнезда не срослись в крупные села, а сохранились до наших дней (Витов 1955: 40). До XVII–XVIII вв. северная деревня представляла собой однодворный поселок, в котором обитала одна патронимическая группа (Бломквист 1956: 34). Исходной формой образования гнезда было “печище” – “локализованное поселение группы родственников”, от которого через какое-то время отделялось новое поселение (на Пинеге называемое “окол”), тем самым формировалось гнездо (Романов 1928: 38). Внутри гнезда могло образоваться двадцать и более околов. Поскольку собирательное имя поселения было чаще всего неславянского происхождения, вероятно, русские селились на месте родовых становищ прежних жителей края, а околы называли своими именами (Мильчик 1971: 18). Это является подтверждением существования славянской традиции – патронимии, согласно которой в ряде сел имеются группы семей, ведущих происхождение от общего предка, а их усадьбы и дома сконцентрированы в одном месте. Эти родственные группы характеризуются совместным использованием земельными угодьями, коллективизмом в сельскохозяйственных работах и постройке жилища (Пермиловская 2010: 68). Гнездовому типу свойственны “структурность, внутренняя организованность, подчиненность центру, что привело к созданию известных архитектурно-природных ансамблей” (Там же: 476–477).

Согласно исследованиям этнографа Т.А. Бернштам, деление на части характерно только для тех поселений Белого моря, которые расположены на берегах рек. Они делились на “Низ” (ближе к устью) и “Верх” (вверх по реке), между ними располагалось “Серетье” (середина между “Низом” и “Верхом”), “концы” имели названия в зависимости от характера местности: “Заболотье”, “Заруцей”, “Корга”, “Занаволок” (Бернштам 1983: 20).

Согласно приведенным данным, “гнездами” называют поселения, расположенные вдоль рек и озер, в ряде случаев имеющие собирательное неславянское наименование, внутреннее деление на “концы”, а также традицию патронимии. В связи с этим исследовательский интерес представляет группа сельских исторических поселений

Белого моря, находящихся на удалении от речной сети: анализ их пространственно-планировочной структуры, сопоставление с типом “гнезда” или выделение самостоятельного типа расселения. К исследуемым сельским историческим поселениям относится с. Ворзогоры, расположенное на территории Онежского Поморья и состоящее из двух деревень: Кондратьевская и Яковлевская. Онежское Поморье — часть территории Поморского берега Белого моря от г. Онеги до г. Кеми. Онежское Поморье относится к Онежскому р-ну Архангельской обл., который согласно Указу Президента “О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации” 2014 г. входит в состав Арктической зоны РФ (Указ Президента 2014). Онежское Поморье также относится к территории Русского Севера¹, освоение которого происходило в XI—XVII вв.² Местных жителей принято называть поморами, а поморскую культуру рассматривать как русский вариант морской культуры в Арктике (*Пермиловская* 2015: 362).

Таким образом, цель данной работы определить тип планировочной структуры и жилищно-хозяйственного комплекса поморского поселения, расположенного на берегу моря, но на удалении от речной сети.

Задачи исследования: выявить особенности расселения с. Ворзогоры; определить форму застройки; установить конструктивные особенности и архитектурно-планировочное решение жилых и хозяйственно-инженерных построек, локализовать на современной карте поселения утраченные хозяйственно-инженерные постройки. В качестве прикладной задачи выступает разработка рекомендаций по сохранению объектов архитектурного наследия с. Ворзогоры.

Структурно данная работа состоит из двух частей. Первая посвящена исторической характеристике поселения и быту поморов, традиционной (XIX — начало XX в.) и современной (начало XXI в.) пространственно-планировочной структуре с. Ворзогоры. Вторая часть состоит из анализа современного состояния жилищно-хозяйственного комплекса и оценки его потенциала для включения в реестр памятников культурного наследия.

Методы и материалы. В работе рассмотрена пространственно-планировочная структура поселения, комплексное исследование которой включает в себя изучение типа заселения, застройки, жилищно-хозяйственного комплекса. Выявление историко-культурной ценности пространственно-планировочной структуры может рассматриваться как один из ключевых этапов в процессе подтверждения наличия территориального объекта культурного наследия — “достопримечательное место” (Методические рекомендации 2017).

Материалом для исследования стали экспедиционные работы авторов статьи в июне—июле 2018 г. в с. Ворзогоры. В ходе полевых работ было собрано 11 интервью с местными жителями пожилого возраста, включающие вопросы об истории поселения, происхождении его названия, причинах выбора места для проживания, делении поселения на концы, знаниях традиционной микротопонимики, строительных традициях; выполнены архитектурно-этнографические обмеры исторически ценных деревянных построек, проведена их фотофиксация, обследована застройка (ориентация главных фасадов жилых построек); локализованы на карте утраченные памятники традиционной архитектуры в структуре поселения.

Кроме того, авторы опираются на историко-архивные данные, собранные в Государственном архиве Архангельской области, Научно-производственном центре по охране памятников истории и культуры Архангельской области, Архангельском краеведческом музее, Российском этнографическом музее. Большинство данных вводится в научный оборот впервые.

В качестве иллюстративного сравнительного материала приведены результаты полевых исследований авторов в июле 2019 г. в с. Малошуйка (современное

название д. Абрамовская), расположенном на р. Малошуйка, в 5 км от побережья Белого моря и в 25 км от с. Ворзогоры.

Собранный материал позволил проанализировать как историческое (XIX — начало XX в.), так и современное (начало XXI в.) состояние планировочной структуры с. Ворзогоры.

Общая характеристика поселения. Хозяйственный уклад. Заселение Поморья было завершено к XVIII в. Большинство поселений было сосредоточено на Поморском, Терском и Зимнем берегах, из которых наиболее заселенным был Поморский берег как самая активная промысловая часть Поморья: здесь к середине XIX в. располагалось более 100 дворов (*Бернштам* 2009: 21).

Ворзогоры — сельское историческое поселение, ведущее свою историю с 1578 г. (КИО 1896: 2–3). Ворзогоры относятся к типу поселения “село” и состоят из деревень Кондратьевская и Яковлевская. В прошлом такой тип поселения носил название “погост с деревнями” (*Жигальцова* 2018). Название села имеет собирательное неславянское наименование — с финно-угорского языка *võrзõдлытõм võр* означает “нетронутый, девственный лес” (Русско-коми словарь 2003). Однако в народном сознании укоренились представления, согласно которым топоним “Ворзогоры” происходит от слов “вор” и “горы”. Одна из версий восходит к распространенным на Русском Севере топонимическим легендам, связанным с личностью Петра Великого. Согласно ей, у путешествующего по этим местам царя воры украли стремя, рукавицу или кафтан и спрятались “за горой” (ПМА 2018: Гостев, Долматов, Долматова). Согласно другой версии легенды, на месте с. Ворзогоры располагался стан литовских, польских и русских беглецов в период Смутного времени. Существует мнение, что именно отсюда они совершали набеги на ближайшие поселения, в т.ч. на с. Малошуйку (ПМА 2019: Аурова).

Село Ворзогоры было вторым по численности приходом (1143 жителя) I Благочиния Онежского уезда; оно имело церковно-приходское училище Министерства народного просвещения (в д. Кондратьевской) и было расположено в 255 верстах от Архангельска, 23 верстах от Онеги и Малошуйского прихода, 12 верстах от Нименгского прихода (АКМ 3: Л. 1). По данным “Описи имуществ и угодий церковей Ворзогорского прихода”, в 1833 г. в с. Ворзогоры было 111 дворов (ГААО 2: Л. 1–6). В 1888 г. количество домов увеличилось до 189 (АКМ 3: Л. 1), а в 1917 г. — до 206 (Государственный архив Архангельской области. Ф. 462. Оп. 1. Д. 34. Л. 5–10. Цит. по: *Матонин* 2013). В соседних поселениях (Нименга, Малошуйка, Кушерека) была “самая высокая средняя численность дворов в деревне среди всех погостов Заонежья”, что объясняется “концентрацией здесь разнообразного населения, строившего свои дома-дворы и занятого солеварением, промыслами и торговлей” (*Бернштам* 2009: 33).

Местные жители занимались рыбной ловлей “переметами и бреднями, при тех же приемах и обычаях, как и всюду в Поморье” (*Максимов* 1871: 378), особенно удачной была ловля сельди, за которой приезжали из других районов и городов (ПМА 2018: Долматов). Жители с. Ворзогоры считались лучшими судостроителями: “Они строят и романовки для лесной компании, строят и лодьи для своих промыслов” (*Максимов* 1871: 378).

Земледелие не являлось основным источником пропитания поморов. Земля под пахоту, согласно Лесному уставу 1876 г., должна была обрабатываться на основании “Свидетельства на право расчистки”, которое выдавалось крестьянину на 10 лет с условием обязательной разработки в течение этого срока (АКМ 2: Л. 1). При выжигании расчисток хозяин участка должен был создать вокруг выбранного места ров или скосить траву “полосою не менее как на две сажени шириною, а землю вспахать или же выдрать вокруг того места дерн и обратить его корнем вверх, также не менее как на две сажени шириною” (Там же). Крестьяне с. Ворзогоры называли такое место “чищинина” — “место, где вырубался лес и кустарник, а затем окапывалось

канавами для отвода воды” (ПМА 2018: Слепинин). Крестьяне выращивали ячмень, овес, горох, озимую рожь (“осенью садили под плуг, и на будущий год весной она всходила и следующей осенью урожай” [Там же]). Село Ворзогоры не имело в непосредственной близости сенокосных участков: “...у нас сенокосов не было, там — шесть километров от деревни нименжана косили, с той стороны — Рочево, Подпорожье косило. А мы по болотам!” (Там же: Долматов).

Помимо основных занятий, мужчины плели кораба и корзины, из кожи тюленя шили сапоги с длинными голенищами (Там же: Гунин, Гунина). Женщины занимались прядением из овечьей шерсти, ткачеством, воспитанием детей (РЭМ 1; РЭМ 2). Из домашних животных держали лошадей, коров, овец.

Тип расселения и застройка. Село расположено на вытянутом с востока на запад мысе Белого моря, вблизи которого нет впадающей в море реки, как у поселений Нименга, Малошуйка, Кушерека. Застройка деревень различна. Так, д. Яковлевская расположена на отлогой части мыса, рельеф здесь имеет равнинный характер. Ее планировка является распространенной среди северных деревень: “рядовая” с ориентацией первого ряда домов на воду (в данном случае, на болото), а центральной улицы — на исторический онежско-кемский почтовый тракт.

Деревня Кондратьевская отличается сложным рельефом местности. Дома стоят на крутом песчаном берегу, земля бугристая, с большим количеством рытвин. Жилые постройки здесь поставлены так, чтобы хозяйственная часть (хозяйственный двор с поветью) “смотрела” на море, а окна главного фасада избы были направлены “на солнце”, на юг, юго-запад, юго-восток. В западной части деревни окна главного фасада домов ориентированы на архитектурный ансамбль (тройник), состоящий из летней Никольской церкви (1636 г.), зимней Введенской церкви (1793 г.) и колокольни (1862 г.). Храмы играют роль общественной и сакральной доминанты в пространственно-планировочной структуре поселения. В настоящее время они представляют большую ценность не только для местных жителей в качестве культового центра двух деревень, но и как часть почти утраченного историко-культурного наследия Русского Севера и России в целом. Кроме с. Ворзогоры, деревянные ансамбли-тройники сохранились только в пяти населенных пунктах: д. Филипповская (Почозеро), с. Малошуйка, с. Нёнокса (Архангельская обл.), Кижский погост (Республика Карелия), с. Варзуга (Мурманская обл.).

Принято считать, что деление на “концы” характерно только для поселений Белого моря, расположенных на реках (*Бернштам* 1983: 20). Однако и архивные, и полевые материалы свидетельствуют о делении на “концы” и с. Ворзогоры. Согласно архивным данным за 1898 г., “Кондратьевская деревня делится на три конца, местные названия Волчиха, Заболотье и Конец, а Яковлевская деревня на два конца без особых названий” (ГААО 3: Л. 6). При этом в документе указывается не только название “концов”, но и количество домов в каждом: в Волчихе — 45 домов, в Заболотье — 43, в Конце — 25, в Яковлевской в том и другом — по 38 (Там же).

В ходе полевой работы (ПМА 2018: Рогачева, Захарова, Слепинин, Долматов, Долматова) установлено, что в настоящее время количество “концов” в д. Кондратьевская увеличилось; они называются по-разному: “концы/конечина”, “Павловский бор”, “волчиха”, “высочиха” и др. (*Жигальцова* 2018). “Конечина”/“концы” — окраина деревни, вероятно, соответствует части “конец” из архивных документов 1898 г. Как видно, сохранились и названия “волчиха” (“там волки ходили”), “заболотье”/“заболочина” (заболоченное место вокруг “конской лаги” — водопоя для коней). В настоящее время особенно выделяется часть “могильники” — территория бывшего церковно-приходского кладбища: “Мы живем на кладбище, соседний дом, церковь, колодец, к озеру туда. Это все было первое кладбище” (ПМА 2018: Слепинин). На “могильниках” расположены дома ссыльных, построенные в первой половине XX в. Они изменили застройку центра д. Кондратьевской с полукруговой (центр — культовые

постройки) на круговую, поскольку фасады этих домов также направлены на тройник.

В настоящее время жители д. Яковлевская не делят на “концы” свою деревню. Обособление происходит по кличкам (“деревенским фамилиям”), например: “Меляхины”, “Кирины”, чья общая фамилия — Панчины (Там же: Долматов). Крайняя улица деревни называется “задворки” (Там же: Гунин).

“Конец” — это не просто наименование части поселения по его внешним отличительным признакам (заболоченное место, высокое место и пр.), а часть территории, на которой сгруппированы жилые постройки по патронимическому признаку (дома родственников). По воспоминаниям местных жителей, избы в деревне стояли плотно друг к другу, новая семья строила свой дом рядом с родительским (Там же: Слепинин). Это было связано не только с нехваткой земли (“частая застройка, места были в большом дефиците, поэтому строили, где есть хоть какое-то место, чтоб дом уместился” [Там же: Гунин]), но и с традицией концевой застройки. В свою очередь, это свидетельствует о преемственности патронимической традиции — когда сохраняются семьи, ведущие происхождение от общего предка и проживающие в одной части поселения. Примером является ряд жилых построек вдоль болота в д. Яковлевской, который носит название “улица братьев Гуниных”. Вероятно, первый дом был построен помором Гуниным, и по мере разрастания его семьи был создан целый ряд других строений. Другим примером является расположение домов детей Нины Павловны Рогачевой в непосредственной близости от ее жилья, в части д. Кондратьевская, обозначенной информантом как “концы”: “У меня глади-ко тут дочь, там дочь, там сын, там опять дочь [показывает рукой]. У меня восьмеро всех”, и далее: “Концы-то это где? Вот у нас. Мы в Концах живем” (Там же: Рогачева).

Следует заметить, что патронимическая традиция — проживание групп родственников в непосредственной близости друг от друга — характерна для поселений Белого моря, расположенных на реках (например, села Малошуйка и Кушерека): “Образовалась Бачинская деревня (д. Бачинская являлась частью с. Кушерека. — Т.Ж., А.У.), Кузнецовы там жили... Целая часть деревни — все Кузнецовы. На горе Окуловы. Никого не допускали, строго чтоб никто лишний не селился там. На горе еще жили Хохлины, знаменитые, самые богатые там судовладельцы” (ПМА 2019: Кузнецов).

Деление поселения на “концы” было характерно для новгородской традиции: такие города, как Великий Новгород, Псков, Ладога, Старая Русса имели “кончанскую структуру” (Калуцков и др. 1998: 26). Поэтому деление на “концы” сельских поселений побережья Белого моря косвенным образом свидетельствует о переносе новгородской традиции концевой застройки в ходе колонизации Русского Севера и Арктики.

Таким образом, с. Ворзгоры по названию (собирательное неславянское наименование), по типу застройки (“концевая”, “рядовая”), сохранению традиции патронимии, представляет собой традиционный для Севера тип расселения — гнездовой (несмотря на то что село не расположено на берегу реки или озера).

Жилищно-хозяйственный комплекс. Жилище. Исторически новгородская строительная традиция нашла свое отражение в возведении четырехстенной, трехконной избы. Этот тип постройки “сложился еще в Новгородской и Московской землях в период образования национального государства, становления общерусской национальной культуры и искусства” (Маковецкий 1955: 64). Однако на Русском Севере постепенно сложился вариант крестьянского дома, не встречающийся в других районах России. Он отличается большими размерами и обилием жилых помещений (Пермиловская 2005: 210). По данным Т.А. Бернштам, северорусский комплекс дома-двора представляет собой двухъярусную избу на подклети, объединенную под одной крышей с двухэтажным двором с воротами и взвозом. Дом-двор был распространен

на Поморском, Зимнем и Летнем берегах, встречался на Онежском и в южной части Карельского берега. Также характерным для Поморья был среднерусский комплекс — крытый одноярусный дом-двор на невысокой подклети (*Бернштам* 2009: 36–37).

Для с. Ворзогоры характерен дом-двор “четырёхстенки” на высоком подклете с типом соединения жилой и хозяйственной части — “брус” (*Усов* 2019). С точки зрения конструкции “брус” представляет собой прямоугольный сруб, в котором изба, сени и хозяйственный двор с поветью располагаются друг за другом (*Ополовников* 1983: 43). Однако следует отметить, что сени в части домов могут располагаться не строго за жилой частью (и параллельно ей), а быть пристроены сбоку избы. Весь объем жилища перекрыт одной общей двускатной кровлей. Изба и хозяйственный двор с поветью располагаются под одним коньком. Встречаются хозяйственные части, кровля которых поднята выше относительно жилища. В большинстве случаев сени делят дом на две неравные части. Меньшая жилая часть — изба — обычно обращена своим главным фасадом на улицу, к пешеходному пространству, или “смотрит” на культовые постройки. На центральном фасаде находится от трех до шести окон. Большая хозяйственная часть уходит на задворки или обращена к морскому берегу, на северную сторону. Поветь со стороны заднего фасада может поддерживаться дополнительными деревянными столбами. Их функциональное назначение состоит как в укреплении конструкции в целом, так и в возможности быстрой замены подгнивших нижних венцов хозяйственного двора: из-за продуктов жизнедеятельности животных хлев быстро гнил и потому возводился в качестве отдельного сруба, подведявшегося под державшуюся на столбах поветь.

Крыши домов двускатные, с чердачным помещением, покрыты шифером, в ряде случаев поверх старого теса, который уложен в два слоя без естественной гидроизоляции, например бересты. Верхние тесины дополнительно обработаны в форме желобов для лучшего стока воды. Конструкция крыш — стропильная (*Усов* 2019). В с. Ворзогоры нет построек с самцовыми крышами, однако необходимо отметить, что для поморской культуры самцовые двухскатные и стропильные четырехскатные крыши становятся архаическими формами уже в XIX–XX вв. (*Бернштам* 2009: 44).

Крыльца домов поземные (лестницы перемещены внутрь объема сруба), взвозы со стороны дворов отсутствуют или частично утрачены. Способ связи бревен в срубах избы с. Ворзогоры — “в лапу”, без остатка. Благодаря подобной технике рубки углов экономили строительный материал, а также облегчалась последующая обшивка жилой части. При этом хозяйственный двор мог рубиться и “в обло”, с остатком.

Жилища возводились из сосны. Заготовка лесоматериалов происходила в конце зимы: “Шобы соков не было, да и потом, его выкорят (процесс снятия коры с бревна. — Т.Ж., А.У.), и шобы он высыхал” (ПМА 2018: Гунина); «Лес рубится в Великое говение — Великим постом и тотчас же вывозится в деревню. Если лес пролежит на улице все лето до осени, он зовется “виснодельным”. Такой лес можно использовать, когда угодно, потому что он сухой. Сырое или мерзлое дерево рубить трудно, так как оно “отшибает руки”» (*Иваницкий* 1898: 11). Для каждой деревни на Русском Севере существовали собственные места лесозаготовок. Так как с. Ворзогоры окружено болотами, местный лес непригоден для строительства, потому крестьяне отправлялись за ним на восток, в сторону р. Онеги к так наз. Малдыни (ПМА 2018: Рогачева). В с. Ворзогоры дома возводят в любое время года, кроме зимы: “А всё весной, уш когда, весной... И осенью тоже строили-строили, как не строили” (Там же: Гунина). Строительство осуществлялось коллективно: “Собрались, сей год тому мужику дом построили, а другой потом, построят, другому, а потом третьему” (Там же). По данным Т.А. Бернштам, строительство и починка домов, заготовка дров и вывоз навоза на поля у поморов происходили с Покрова до глубоких заморозков (*Бернштам* 2009: 150).

Характерным памятником жилой архитектуры д. Яковлевская является дом-двор Галины Андреевны Гуниной. Дом также уникален своим возрастом: по словам хозяйки, ему уже около 150 лет (время постройки – примерно 1860-е годы). Предыдущие владельцы: Гунин Леонтий Васильевич и Гунина Ефимия Михеевна. Отметим, что изба перестраивалась в 1927 г., о чем свидетельствует надпись на косяке в сенях (бывшей клетки): “А изба перестроена была. У них потом уже стало, такие уже маленькие, детей-то было восемеро у них, а спать-то где было? Одна изба была, они потом перестроили” (ПМА 2018: Гунина). Кровля хозяйственной части поднята на метр выше относительно избы. Крыша трехскатная с чердаком-светелкой. Жилая часть обшита вагонкой и выкрашена в зеленый цвет в 60–70 годы XX в.

Постройка представляет собой типичный для с. Ворзогоры дом-двор, с приемом соединения жилой и хозяйственной части “брус”. Это четырехстенка на высоком подклете, с уширенным двором под одним коньком с жилым помещением. Главный фасад с четырьмя окнами обращен в сторону улицы: “Так веть строили во всей деревне, штобы красиво было, так заведено было... Штобы центральна улица была. Хоть как раньше улицы не было, а все равно штобы было” (Там же).

Внутренняя планировка дома не сохранена: старые сени в настоящее время превращены в кухню, а крыльцо перенесено ближе ко двору. Новые сени располагаются между избой и хозяйственной частью, проходят вдоль дома. Часть бывшей холодной клетки стала пространством сеней. Другая переоборудована в небольшое жилое помещение и кладовку. С противоположной стороны устроена большая горница, отапливаемая зимой печью-голландкой: “Горница у нас, та, той наверно лет сто пещат” (Там же).

Дом уникален и как единственный в с. Ворзогоры с сохранившимся, хотя и искусственно зауженным, взвозом. Внутренняя планировка избы, кроме перемещения сеней, дополнительно изменена: большая русская печь демонтирована – ее место заняла печь-голландка; исчезла так наз. шомыша – место между печью и стеной, однако остался люк в подпол. Дом-двор построен из сосны, в качестве фундамента использованы камни.

Применение стропильных конструкций упростило внешний вид жилища. В отличие от богато декорированных домов на более южных территориях Севера, для поморских комплексов дома-двора с. Ворзогоры характерны строгость архитектурного облика, ясность, лаконичность пропорций, гармоничное сочетание с природным ландшафтом. Постройки аскетичны в декоре: из-за стропильной конструкции крыши отсутствуют массивные потоки, лежащие на вырубленных из еловых корней “курицах”, торцы бревен под кровлей защищены от влаги обычными досками, их стык не прикрыт резным “полотенцем”, также отсутствуют резные наличники окон, фронтоны домов не украшены балконами. Эта тенденция отмечена авторами и в другом поморском историческом сельском поселении – с. Малешуйка. Однако в последнем случае часть старинных домов, не исчезнувших после крупного пожара 1989 г., декорирована однотипными причелинами. Они состоят из двух досок с узором из зубцов, которые сходятся в форме полукруга. Единственной общей чертой декора остается традиция покраски обшитых домов в желтый, зеленый или голубой цвет. По словам местных жителей, отсутствие многих резных элементов декора связано с суровым поморским характером: мужчины практически половину года проводили в море, а женщины в это время вели хозяйство – потому украшение дома не являлось насущной потребностью.

В то же время архитектурный облик с. Ворзогоры производит впечатление монументальности, защищенности от экстремальных условий: архитектура и конструкция крестьянских жилищ говорят об их приспособленности к природно-климатическим условиям Европейского Севера и Арктики (Усов 2019).

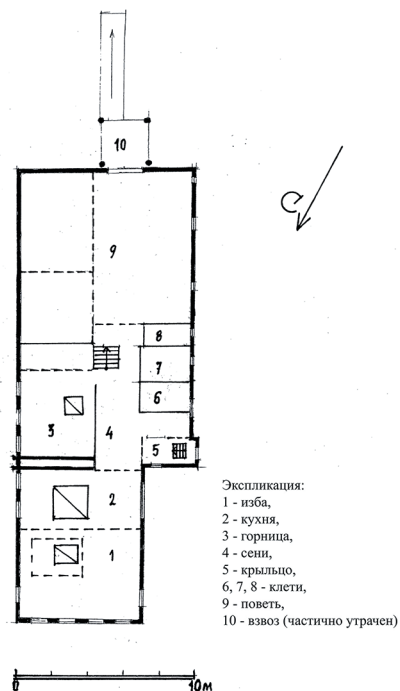

Рис. 1. Дом-двор Г.А. Гуниной, боковой фасад, с. Ворзогоры, д. Яковлевская, Онежский р-н, середина — конец XIX в. (фото А. Усова, 2018 г.); план дома-двора Г.А. Гуниной.

Руководитель научного проекта д. культ. А.Б. Пермиловская. Научная информация А.А. Усова. Обмеры А.А. Усова, Т.В. Жигальцовой. Камеральная обработка архитектора Н.А. Подобиной, 2018 г.

Хозяйственно-инженерные постройки. Хозяйственные постройки с. Ворзогоры представлены амбарами, банями, ледниками для хранения рыбы и мяса. С хозяйственными постройками жители связывали ряд примет: “Журавель (у колодца) скрипит — к перемене погоды; ветряки (ветряные мельницы) скрипят — буря будет” (АКМ 1: 17).

В д. Кондратьевской сараи и иные хозяйственные постройки, расположенные первым рядом от моря, принимают на себя порывы ветра и создают своеобразный защитный пояс от непогоды. Хозяйственные постройки находятся на расстоянии полукилометра от моря в связи с ежегодным осыпанием берега. В д. Яковлевская сохранились немногочисленные амбары, предназначенные для хранения зерна и иных продуктов.

Амбары на Онежском Поморье, как и на всей территории Русского Севера, приподнимались над землей с целью предохранения бревна от гниения, а зерна — от сырости и грызунов. Для этого срубы помещали либо на деревянные столбы, либо на каменный фундамент: “Амбары ставились на деревянных ножках или больших камнях, четыре камня по углам, чтобы мыши, крысы не залезли. Это очень сложно сохранить от мышей урожай, он был не очень велик. Зерно на вес золота было” (ПМА 2018: Слепинин). Строительным материалом была сосна, для нижних венцов использовали более толстые бревна. Распространенным типом являлся амбар-пятистенок с перерубом, сложенный из бревен, перевязанных “в обло”: крыша безвзвозная, двухскатная самцовая, тесины прижаты охлупнем, упираются на лежащие в “курицах” потоки, хвосты слег закрыты гладкими причелинами, дверь

с навесом, поперечная стена образует сени с лестницей на чердак, полы дощатые (Архив НПЦ 1: Л. 1–2). Средние размеры амбаров Онежского района – 2,5х4 м. Такой амбар состоял из двух этажей: на первом находились сусеки – лари с перегородками для различных видов зерна, на втором – “в поперечные стены врублены не толстые слегги – грядки, на которых развешивались шкуры, кожи, пряжа, одежда и т.п., а ниже грядок, у самой стены, шли продольные широкие полки для мелких предметов” (Ополовников 1983: 129).

В структуре поселения амбары обычно ставились недалеко от дома, на расстоянии 5–10 м от горницы (ПМА 2018: Слепинин). Немногочисленные амбары сохранились в селе благодаря их перестройке под новые нужды в качестве гаражей, складов для хранения вещей. Некоторые из них перенесены в новое место для удобства современного использования. Наиболее древний амбар конца XIX в. принадлежит Надежде Владимировне Радкевич. Помимо зерновых амбаров, в с. Ворзогоры существовали промысловые амбары для хранения рыболовных снастей, соленой рыбы и лодок. В настоящее время эти постройки утрачены.

Другая категория амбаров Онежского Поморья, получившая распространение в XIX в. – общественные амбары на случай неурожая или иных бедствий, называемые амбарами-магазеями. Амбар-магазея – это сруб-шестистенок, обычно расположенный на центральной улице или площади в зоне общей доступности. Магазины состояли из одного центрального узкого помещения и двух симметричных боковых, где располагались перегородки закромов (Архив НПЦ 2: Л. 1–2).

Наиболее ценной хозяйственной исторической постройкой в с. Ворзогоры является амбар-магазея конца XIX – первой трети XX в.

Магазея – одноэтажный сруб-шестистенок, вытянутый с востока на запад и расположенный вдоль дороги между двух деревень. Тип рубки – “в обло”. Постройка обшита строганным тесом. На южном фасаде – двустворчатая дверь с засовом и отверстием для кошки. На торцевых фасадах в верхних частях стен – щелевидные продухи. Защищенные тесом продухи есть и на лицевой стороне постройки, высота которой 5,8 м. Магазея состоит из одного центрального узкого помещения (длиной 2,25 м) и двух симметричных боковых (по 4,75 м), разделенных внутренними перегородками. Высота входов в помещения от 1,45 м до 1,65 м. На второй этаж (высота 3,3 м) вела лестница, которая не сохранилась. Видны врубки от ступенек длиной 25 см. В полу второго этажа сделаны прорезы для спуска зерна, провизии в боковые помещения. На стенах сохранились зарубки с расчетами. Вся продукция составляла “неделимый фонд” на случай бедствий. Неделимый фонд собирал староста: “...староста объявлял – все крестьяне с каждой семьи понемножку должны были осенью принести про черный день меру зерна” (ПМА 2018: Гунина). После образования колхоза в магазине хранили запчасти для машин: “В магазее зерно хранили, а потом запчасти, жита не стало-то” (Там же: Рогачева).

Традиционными для северной деревни хозяйственными постройками, в т.ч. для с. Ворзогоры, как в XIX, так и XX в. являлись бани по-белому и по-черному. В д. Яковлевская кирпичей не производили, поэтому там до начала XX в. использовались бани по-черному. Воду грели железом: “...какое худо железо бросали в каменку, а потом кидали в ушата, но надо было аккуратно, чтобы дна не проломить у ушато-то” (Там же: Гунина). Если судить по внушительным размерам печей в некоторых домах д. Яковлевской, для данной территории была характерна традиция мытья в печи, описанная в работе “Баня и печь в русской народной традиции” (Липинская 2004). Однако для соседних сел Малошуйка и Кушерека мытье в печи не было характерно (ПМА 2019). В д. Кондратьевской делали кирпичи из местной глины: “...делали точно по формам, кирпичи сохли на солнце, а когда накапливалась тысяча-две кирпичей – сырец, из них выкладывали временную печку и хорошо прокалывали, так кирпич прожигали, затем использовали при постройке печи” (ПМА 2018: Слепинин). Кирпичи использовали при строительстве печей в домах и

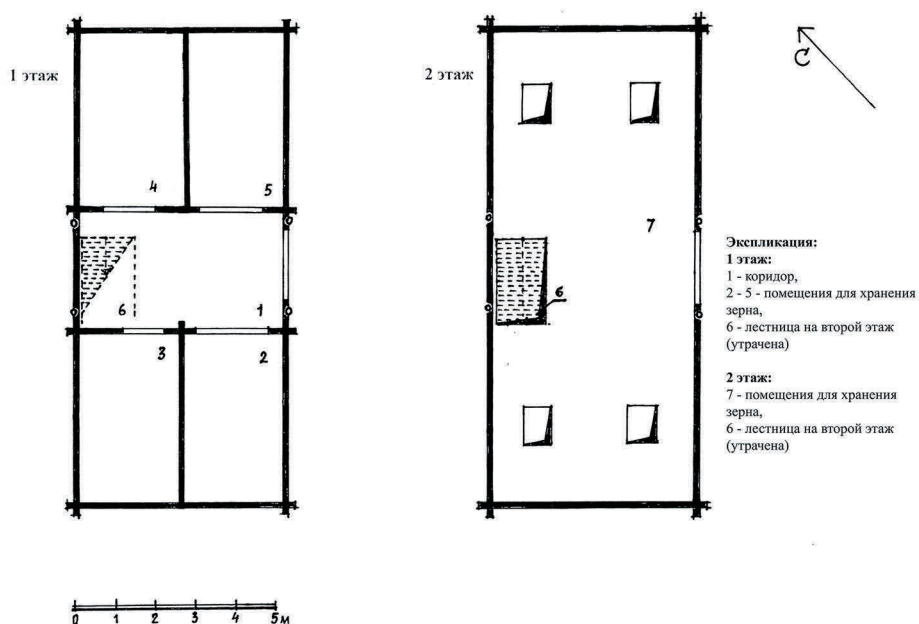

Рис. 2. Амбар-магазин (южный фасад), с. Ворзогоры, Онежский р-н, конец XIX – начало XX в. (фото Т. Жигальцовой, 2018 г.); план амбара-магазеи. Руководитель научного проекта, д. культ. А. Б. Пермиловская. Научная информация Т.В. Жигальцовой. Обмеры Т.В. Жигальцовой, А.А. Усова. Камеральная обработка архитектора Н.А. Подобиной, 2018 г.

банных. Бани в с. Ворзогоры ставились неподалеку от водоема (болота, небольшого озера) по несколько в ряд, образуя так наз. банные городки.

Учитывая уровень износа, все ворзогорские бани построены 30–50 лет назад. Размеры бань варьируются: 3х4 м или 2,5х3,5 м. Типичная баня состоит из двух частей:

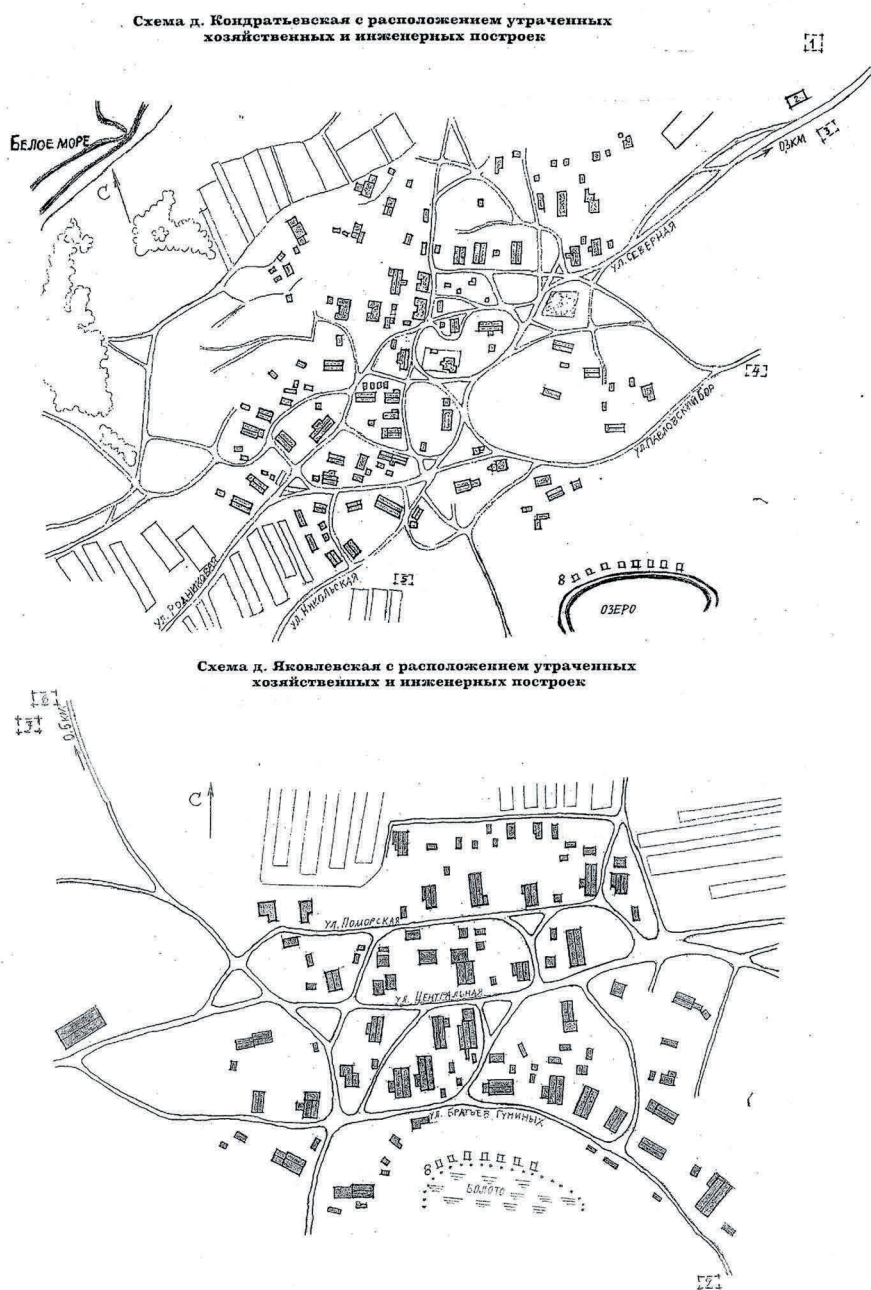

Рис. 3. Схема д. Кондратьевская (сверху) и д. Яковлевская (снизу) с указанием местоположения утраченных хозяйственно-промысловых построек, 2018 г.: 1 – Симакова мельница, 2 – амбар-магазин, 3 – кузница, 4 – гумно с овинком в д. Кондратьевская, 5 – Курицына мельница, 6 – Сидорова мельница, 7 – гумно с овинком между деревень, 8 – банный городок у водоемов, 9 – гумно с овинком в д. Яковлевская. Руководитель научного проекта, д. культ. А.Б. Пермиловская. Научная информация Т.В. Жигальцовой, обмеры Н.А. Подобиной с использованием архивных материалов Отдела архитектуры и строительства администрации МО «Онежский муниципальный район», г. Онега, 2018 г.

предбанника и бани — помещения для мытья. Дверь из предбанника располагается в торцовой стене, напротив входа в баню. В предбаннике две скамьи, у входа слева в помывочное помещение печь, полók, лавки вдоль стен.

В начале XX в. в с. Ворзогоры находились гумна — постройки для обмолота зерна. Гумно обычно состояло либо из трех помещений: одного центрального, широкого, и двух симметричных узких боковых помещений, либо из двух равного размера помещений. По воспоминаниям местных жителей, в начале XX в. в селе было три гумна с овинами. Местное название овина — “рыгача”. Это место, где сушили зерно: «сырые снопы подвешивали, и сторож сутки топил печь, потом их выносили из рыгачи, расстилали на полу в сарае, колосья рядами, и женщины обмолачивали палками, которые назывались “приуз” либо “кичигами”. Это большой сук от елки с лапой, хлопали ногой» (ПМА 2018: Слепинин).

В XIX в. в с. Ворзогоры была кузница, разобранная на дрова в середине XX в. Местные жители ковали здесь плуги, бороны, подковы. По воспоминаниям жителей, в кузнице был “горн с деревянной трубой и меха как гармошка для раздува пламени как у сороки на хвосте рисунок — ни красное, ни белое” (Там же).

Традиционная инженерная архитектура с. Ворзогоры представлена тремя ветряными мельницами-шатровками (местное название — “вётряна мельница”), которые принадлежали наиболее зажиточным крестьянам. Это мельница Ивана Курицына — на холме в д. Кондратьевской, Сидорова мельница — на горе в д. Яковлевской, Симанкова мельница — между деревнями. После революции 1917 г. хозяева мельниц были сосланы (Там же). Помимо ветряных за д. Яковлевской в нескольких верстах располагалась водяная мельница, специально для которой была построена плотина (Там же: Гунина). Подтвердить данную информацию у других интервьюеров не удалось.

Еще одной инженерной постройкой являются колодцы: срубы из брусьев с воротом и двухскатной тесовой кровлей. Макет наиболее древнего Никольского колодца хранится в “Музее поморского быта с. Ворзогоры”.

В непосредственной близости от с. Ворзогоры не было больших ручьев и, соответственно, мостов. Ближайшие мосты в сторону г. Онега располагались в 7 и 11 верстах от села через ручьи “1-й Грязный” — “на ряжах высотой ½ сажени” и “2-й Грязный” — “продольный настилочный на перекладинах высотой 2 фута” (ГААО 1: Л. 62–63).

* * *

В результате исследования выполнены поставленные задачи: определен гнездовой тип расселения с. Ворзогоры; “концевая”, “рядовая” формы застройки; тип дома-двора “четырёхстенки” на высоком подклете с типом соединения жилой и хозяйственной части — “брус”, конструктивные особенности хозяйственно-инженерных построек, таких как амбары, магазей, бани, мельницы, гумна с овинами, колодцы; локализованы на современной карте поселения утраченные хозяйственно-инженерные постройки.

Село Ворзогоры сохранило традиционную планировочную структуру и памятники деревянной архитектуры XVII — начала XX в. (культовой, жилой). В настоящее время жилые и хозяйственные постройки активно используются в повседневной жизни и являются этномаркером территории — инструментом поддержания идентичности и сохранения традиционной культуры.

Исчезновение традиционной планировочной структуры на территории Русского Севера и Арктики в связи с перепланировкой, оттоком активного трудового населения в крупные районные и областные центры и другими причинами делают гнездовой тип расселения исчезающим. Соседние с с. Ворзогоры поселения подверглись подобной трансформации: в с. Малошуйка произошла кардинальная перепланировка из-за пожара 1989 г., в результате которого было утрачено 22 столетних дома; села

Кушерека и Нименга, некогда состоявшие из “кустов” по 6–9 деревень в каждом, перестали существовать. Поэтому сохранения требует вся пространственно-планировочная структура, а не только единичные объекты внутри поселения.

В совокупности с. Ворзогоры характеризуется сохранившейся пространственно-планировочной структурой, которая представляет историческую ценность, и находящимся здесь одним из последних культовых деревянных ансамблей-тройников Севера, характерным для поморов аскетичным и строгим обликом комплексов дома-двора. Все элементы поселения существуют в специфическом природном ландшафте, характерном для побережья Белого моря.

Таким образом, результаты исследования позволяют рекомендовать историческое поселение, расположенное на побережье Белого моря – с. Ворзогоры (состоящее из деревень Яковлевская и Кондратьевская) Онежского р-на – для постановки в качестве объекта культурного наследия “достопримечательное место” регионального или муниципального уровня охраны.

Для постановки на охрану в качестве памятников архитектуры муниципального уровня и объектов туристического показа можно рекомендовать:

1. Жилой дом-двор Г.А. Гуниной – четырехстенок, прием соединения жилья и двора – “брус”, д. Яковлевская, 1860-е годы.

2. Двухэтажный жилой дом-двор Э.Н. Мартын – четырехстенок, прием соединения жилья и двора – “брус”, д. Кондратьевская, конец XIX.

3. Амбар-магазея, д. Кондратьевская, конец XIX – начало XX в.

Амбар-магазея может быть использована в качестве объекта туристического показа.

Благодарности

Издание выполнено в рамках государственного задания по научной теме “Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия в этно-социальной динамике Европейского Севера и Арктики”, № гос. регистрации – АААА-А18-118012390220-3.

Примечания

¹Русский Север – это историко-культурный регион, охватывающий территорию от междуречья Волги и Сухоны до Белого и Баренцева морей, включающий современные Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, север Ленинградской области, а также Республику Карелию и Республику Коми. Западную и восточную границы составляют контактные зоны русских с карелами и коми народами (*Пермиловская А.Б.* Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург: УрО РАН; Архангельск: Правда Севера; Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. С. 22.).

²Выходцы из Новгорода двигались по рекам Волхову и Свири к Онежскому озеру, а дальше через реку Водлу проникали в Кенозеро, откуда направлялись к реке Онеге и выходили в Онежскую губу Белого моря; другой путь от Онежского озера лежал по реке Вытегре, затем первопоселенцы тащили суда волоком до озера Лаче, реки Онеги и Белого озера с выходом на Сухону и Северную Двину (*Платонов С.Ф.* Прошлое Русского севера: очерки по истории колонизации Поморья. Берлин: Обелиск, 1924).

Источники и материалы

АКМ 1 – *Ермолов А.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Ч. IV, Народное погодоведение. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1905 // Архангельский краеведческий музей. КП–24.674.

АКМ 2 – Свидетельство на право расчистки П.Ф. Грязного, 1887 г. // Архангельский краеведческий музей. ОФ–19032.

- АКМ 3 — Атлас Архангельской епархии, 1888 (печать 1890) // Архангельский краеведческий музей. КП—45130.
- Архив НПЦ 1 — Архив научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры Архангельской области. Паспорт на памятник архитектуры: амбар, д. Ряхковская (с. Верхний Мудьюг), Онежский район, XIX в. Научная информация С. Никольского (1985). Оп. 5. Д. 1813.
- Архив НПЦ 2 — Архив научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры Архангельской области. Паспорт на памятник архитектуры: магазей, д. Верховье (с. Пурнема), Онежский район, XIX в. Научная информация П.Н. Шармина (1991). Оп. 5. Д. 1817. Л. 1—2.
- ГААО 1 — Государственный архив Архангельской области. Описание почтового тракта от Кемского уезда до г. Онеги, составленное холмогорским уездным землемером Александром Крендовским на 68 листах, XIX в. Ф. 114. Оп. 2. Д. 23.
- ГААО 2 — Государственный архив Архангельской области. Опись имуществ и угодий церквей Ворзогорского прихода, 1833 г. Ф. 462. Оп. 1. Д. 27.
- ГААО 3 — Государственный архив Архангельской области. Список населенных мест 1-го благочиния Онежского уезда Ворзогоского прихода, 1898. Ф. 462. Оп. 1. Д. 35.
- КИО 1896 — Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3, Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Архангельск, 1896.
- Методические рекомендации 2017 — Методические рекомендации по отнесению историко-культурных территорий к объектам культурного наследия в виде достопримечательное место от 28.02.2017 // Министерство культуры РФ. <https://www.mkrf.ru/upload/iblock/f60/f603d6f363-daaba2322b72b352b6b44b.pdf>
- Указ Президента 2014 — Указ Президента Российской Федерации. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации. 02.05.2014. № 296 // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102349446>
- ПМА 2018 — Полевые материалы авторов. Экспедиция в с. Ворзогоры, Онежский р-н Архангельской обл., июнь—июль 2018 г. (информанты: А.П. Слепинин, 1933 г.р.; В.В. Захарова, 1939 (?) г.р.; Н.П. Рогачева, 1929 г.р.; М.А. Гостев, 1958 г.р.; Н.А. Гунин, 1968 г.р.; Н.В. Долматова, 1950 г.р.; А.Н. Долматов, 1947 г.р.; Г.А. Гунина, 1934 г.р.)
- ПМА 2019 — Полевые материалы авторов. Экспедиция в с. Малошуйка, Онежский р-н Архангельской обл., июль 2019 г. (информанты: Г.М. Мошникова, 1962 г.р.; А.Н. Кузнецов, 1952 г.р.; Б.П. Аутова, 1937 г.р.; А.П. Ефимов, 1960 г.р.; Р.И. Баёва, 1936 г.р.; Л.А. Кабрина, 1960 г.р.; В.А. Кузьмин, 1951 г.р.; В.И. Аверкиев, 1952 г.р.; А.Н. Иванов, 1958 г.р.; В.Н. Варзугина, 1940 г.р.; В.А. Баёв, 1959 г.р.)
- Русско-коми словарь 2003 — *Безносикова Л. М., Забоева Н. К., Коснырева Р. И.* Русско-коми словарь: более 52 000 слов / Под ред. Л.М. Безносиковой. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2003.
- РЭМ 1 — Российский этнографический музей. 2637—85 Ф. Нег. 13х18. Пряжа за пряжей шерсти в избе в повойнике, бумажном сарафане и чулках. Архангельская губерния, Онежский уезд, с. Ворзогоры, Великороссы.
- РЭМ 2 — Российский этнографический музей. 2637—86 Ф. Нег. 13х18. Баба сидит на скамье за вязаньем и ногой качает зыбку, задернутую пологом. Архангельская губерния, Онежский уезд, с. Ворзогоры, Великороссы.

Научная литература

- Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX века. Л.: Наука, 1983.
- Бернштам Т.А.* Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009.
- Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
- Витов В.М.* Гнездовой тип расселения на русском севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2. С. 27—40.

- Жигальцова Т.В. Село Ворзогоры – историческое поселение Онежского Поморья, Арктической зоны РФ // Человек и культура. 2018. № 5. С. 21–31. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2018.5.27570>
- Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М.: Государственное архитектурное изд-во Академии архитектуры СССР, 1942.
- Иваницкий Н. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // Живая старина. 1898. Вып. 1. С. 3–74.
- Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М.: ФМБК, 1998.
- Липинская В.А. Бани и банные традиции северной и центральной России // Баня и печь в русской народной традиции / Отв. ред. В.А. Липинская. М.: Intrada, 2004. С. 14–67.
- Маковецкий И.В. Памятники народного зодчества Русского Севера. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Максимов С.В. Год на Севере. СПб.: Типография А. Траншеля, 1871.
- Матонин В.Н. “Наше море – наше поле”. Социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика. Архангельск: САФУ, 2013.
- Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. Л.: Искусство, 1971.
- Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. Гражданское зодчество: северная деревня, двор-комплекс, приусадебные постройки и мосты, промысловые постройки, архитектурные детали и фрагменты. М.: Искусство, 1983.
- Пермиловская А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера. Архангельск: Правда Севера, 2005.
- Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск: Правда Севера; Екатеринбург: УрО РАН, 2010.
- Пермиловская А.Б. Культурное пространство Русский Арктики // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 362–365.
- Романов К.К. Жилище в районе Пинеги // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Вып. II, Пинежско-Мезенская экспедиция. Л.: Academia, 1928. С. 7–32.
- Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). Л.: Стройиздат, Ленинградское отделение, 1982.
- Усов А.А. Традиционное крестьянское жилище в культурном ландшафте Онежского Поморья (на примере с. Ворзогоры) // Культура и искусство. 2019. № 5. С. 31–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2019.5.29339>

Research Article

Zhigaltsova, T.V., and A.A. Usov. The Spatial Planning Structure, Housing and Utility Complex of Settlements of the Onezhskoye Pomorye [Prostranstvenno-planirovochnaia struktura i zhilishchno-khoziaistvennyi kompleks poselenii Onezhskogo Pomor'ia (na primere s. Vorzogory Onezhskogo r-na Arkhangel'skoi obl.)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 1, pp. 180–197. <https://doi.org/10.31857/S086954150008767-3> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Tatiana Zhigaltsova | <https://orcid.org/0000-0002-5471-1540> | zhitava@gmail.com | N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Russian Academy of Sciences (Severnoy Dviny Emb. 23, Arkhangelsk, 163000, Russia)

Aleksei Usov | <https://orcid.org/0000-0002-0466-0124> | usov@fciaarctic.ru | N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Russian Academy of Sciences (Severnoy Dviny Emb. 23, Arkhangelsk, 163000, Russia)

Keywords

Onezhskoye Pomorye, Arctic, Pomory, traditional culture, wooden architecture, rural historical settlements, spatial planning, dwelling, household buildings, cultural landscape

Abstract

The article presents an architectural and ethnographic examination of a Pomor village situated on the White Sea coast (Vorzogory village of the Onega District, Arkhangelsk Region), including its history,

settlement and development types, and the housing and utility complex. In the course of the study, we conducted architectural measurements of the residential, maintenance, and utility buildings and structures; ethnographic interviews; and verification of archival data available at the State Archive of the Arkhangelsk Region and the Arkhangelsk Regional Lore Museum. The findings showed that the Vorzogory village had retained the “nested” settlement type, “ribbon” and “radial” development type, and the residential architecture of the 19–20th centuries which is characterized by the joined house and farm-yard with a method of connecting the residential and household part of the “brus” on a high base, “four-wall” hut type with 3–6 windows on the main facade. The confirmed historical and cultural value of the village allows us to recommend declaring it an object of cultural heritage, and the landmark of the regional or municipal level of protection.

References

- Bernshtam, T.A. 1983. *Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX — nachale XX veka* [Russian Folk Culture of Pomorye at 19th — Early 20th Century]. Leningrad: Nauka.
- Bernshtam, T.A. 2009. *Nardnaia kul'tura Pomor'ia* [Folk Culture of Pomorye]. Moscow: OGI.
- Blomkvist, E.E. 1956. Krest'ianskie postroiiki russkikh, ukraintsev i belorusov (poseleniia, zhilishcha i khoziaistvennye stroeniia) [Peasant Constructions of Russians, Ukrainians and Belarusians (Settlements, Dwellings and Household Buildings)]. In *Vostochnoslavianskii etnograficheskii sbornik: ocherki narodnoi material'noi kul'tury russkikh, ukraintsev i belorusov v XIX — nachale XX v.* [Eastern Slavic Ethnographic Collection: Essays on the Folk Material Culture of Russians, Ukrainians and Belarusians in the 19th — early 20th Centuries], edited by S.A. Tokarev. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Ivanitskii, N. 1898. Sol'vychevskii krest'ianin, ego obstanovka, zhizn' i deiatel'nost' [The Peasant of Solvychevsk, Their Situation, Life, and Work]. *Zhivaia starina* 1: 3–74.
- Kaluckov, V.N., A.A. Ivanova, YU.A. Davydova, L.V. Fadeeva, and E.A. Rodionov. 1998. *Kul'turnyi landschaft Russkogo Severa: Pinezh'e, Pomor'e* [Cultural Landscape of the Russian North: Pinega Area and Pomorie]. Moscow: FMBK.
- Lipinskaia, V.A. 2004. Bani i bannye traditsii severnoi i tsentral'noi Rossii [Bath and Bathing Traditions of Northern and Central Russia]. In *Bania i pech' v russkoi narodnoi traditsii* [Bath and Stove in the Tradition of the Russian People], edited by V.A. Lipinskaia, 14–67. Moscow: Intrada.
- Makovetskii, I.V. 1955. *Pamiatniki narodnogo zodchestva Russkogo Severa* [The Monuments of the Folk Architecture of the Russian North]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Maksimov, S.V. *God na Severe* [A Year in the North]. St. Petersburg: Tipografiya A. Transhelya, 1871.
- Matonin, V.N. 2013. “*Nashe more — nashe pole*”. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo severnoi derevni: genezis, struktura, semantika* [“Our Sea Is Our Field”. Sociocultural Space of the Northern Russian Village: Genesis, Structure, Semantics]. Arkhangel'sk: SAFU.
- Mil'chik, M.I. 1971. *Po beregam Pinegi i Mezeni* [Along the Shores of Pinega and Mezen]. Leningrad: Iskusstvo.
- Opolovnikov, A.V. 1983. *Russkoe dereviannoe zodchestvo. Grazhdanskoe zodchestvo: severnaia derevnia, dvor-kompleks, priusadebnye postroiiki i mosty, promyslovye postroiiki, arkhitekturnye detali i fragment* [Russian Wooden Architecture: Civil Architecture]. Moscow: Iskusstvo.
- Permilovskaia, A.B. 2005. *Krest'ianskii dom v kul'ture Russkogo Severa (XIX — nachalo XX veka)* [The Peasant House in the Culture of the Russian North (19th — Early 20th Century)]. Arkhangel'sk: Pravda Severa.
- Permilovskaia, A.B. 2010. *Russkii Sever kak osobaia territorii naslediia* [Russian North as a Special Space of Heritage]. Arkhangel'sk: Pravda Severa; Ekaterinburg: UrO RAN.
- Permilovskaia, A.B. 2015. Kul'turnoe prostranstvo Russkii Arktiki [Russian Arctic Cultural Space]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* 3: 362–365.
- Romanov, K.K. 1928. Zhilishche v raione Pinegi [Dwelling in the Pinega Area]. In *Krest'ianskoe iskusstvo SSSR. Iskusstvo Severa. Vol. II, Pinezhsko-Mezenskaia ekspeditsiia* [Peasant Art in the USSR. Art of the North. Vol. II, Pinega-Mezen Expedition], 7–32. Leningrad: Academia.
- Usov, A.A. 2019. Tradicionnoe krest'yanskoe zhilishche v kul'turnom landshafte Onezhskogo Pomor'ya (na primere s. Vorzogory) [The Traditional Peasant House in the Cultural Landscape of Onezhskoye Pomorye (the Case of Vorzogory)]. *Kul'tura i iskusstvo* 5: 31–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2019.5.29339>
- Ushakov, Yu.S. 1982. *Ansambli v narodnom zodchestve russkogo Severa (prostranstvennaia organizatsiia, kompozitsionnye priemy, vospriiatie)* [Ensemble of the Folk Architecture of the Russian North

- (Spatial Organization, Compositional Techniques, Perception)]. Leningrad: Stroiizdat, Leningradskoe otделение.
- Vitov, V.M. 1955. Gnezdovoi tip rasseleniia na russkom severe i ego proiskhozhdenie [Nesting Type of Settlement in the Russian North and Its Origins]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 27–40.
- Zabello, S., V. Ivanov, and P. Maksimov. 1942. *Russkoe dereviannoe zodchestvo* [Russian Wooden Architecture]. Moscow: Gosudarstvennoe arkhitekturnoe izdatel'stvo Akademii arkhitektury SSSR.
- Zhigal'tsova, T.V. 2018. Selo Vorzogory – istoricheskoe poselenie Onezhskogo Pomor'ia, Arkticheskoi zony RF [The Village of Vorzogory – a Historical Settlement of the Onezhskoye Pomorye in the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Chelovek i kul'tura* 5: 21–31. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2018.5.27570>